

ФИЛОСОФЫ СПОРЯТ

В.В. Миронов^{*}, А.П. Козырев^{}, А.А. Костикова^{***},
В.В. Васильев^{****}, С.В. Туманов^{*****}, Д.Б. Волков^{*****},
А.П. Беседин^{*****}**

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИНТЕРНЕТ-ОПРОС ФИЛОСОФОВ: ЗА И ПРОТИВ»

В статье представлены материалы дискуссии, состоявшейся 20 апреля 2017 г. и посвященной публикации результатов опроса интернет-активной части российских философов. В ней приняли участие организаторы данного опроса и члены редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия». Были затронуты вопросы применимости социологических или статистических методов в философии, высказаны критические замечания относительно отдельных аспектов исследования и рассмотрены его положительные стороны и значение для философского сообщества.

Ключевые слова: социология в философии, философское сообщество, интернет-опрос.

^{*} *Миронов Владимир Васильевич* – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-19-25; *e-mail:* info@philos.msu.ru

^{**} *Козырев Алексей Павлович* – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-28-07; *e-mail:* conf@philos.msu.ru

^{***} *Костикова Анна Анатольевна* – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-15-69; *e-mail:* foreign@philos.msu.ru

^{****} *Васильев Вадим Валерьевич* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-23-15; *e-mail:* izf@philos.msu.ru

^{*****} *Туманов Сергей Владимирович* – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории «Информационные технологии в гуманитарном образовании» философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (903) 171-08-08; *e-mail:* st156@mail.ru

^{*****} *Волков Дмитрий Борисович* – доктор философских наук, содиректор НП «Московский центр исследования сознания», тел.: 8 (495) 587-42-07; *e-mail:* info@hardproblem.ru

^{*****} *Беседин Артем Петрович* – кандидат философских наук, ассистент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-23-15; *e-mail:* conf@philos.msu.ru

V.V. Mironov, A.P. Kozyrev, A.A. Kostikova, V.V. Vasiliev, S.V. Tumanov, D.B. Volkov, A.P. Besedin. Discussion «Internet-Survey of Philosophers: pro et contra»

The article contains the text of discussion of the paper “What Do Russian Philosophers Believe? The Results of the Internet-Survey”, which place after this discussion. The authors of the survey and the members of the editorial board of the “Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy” participated in the debate, which took place on the 20 of April, 2017. The paper discusses the question of applicability of sociological or statistical methods in philosophy, raises some critique of the survey, and discusses the question of its advantages and significance.

Key-words: sociology in philosophy, philosophical community, internet-survey.

В.В. Миронов

Когда мы рассматривали этот материал на редколлегии «Вестника», был высказан ряд замечаний, которые сами по себе существенны и представляют собой хороший повод для дискуссии. С чем это связано? При всей популярности такого рода сетевых опросов рамки задаваемой дискуссии дают достаточно однобокое представление о философии, актуальности тех или иных проблем в ней, да и о сущности философии в целом. Выборка опрашиваемых респондентов формируется случайно и стихийно. Например, многие философы просто «не присутствуют в социальных сетях», а значит, их мнение принципиально не может быть учтенным, и, напротив, экспертами выступают прежде всего те коллеги, которые присутствуют и активны в социальных сетях. Насколько это объективно? Можем ли мы дать предварительную оценку охвата таким опросом философской аудитории? Каковы при этом издержки? Кроме того, опросы в социальных сетях имеют еще одну специфику: в них могут участвовать люди, вообще далекие от философии. По сути, это не столько экспертная оценка, сколько «лайкание» как форма оценки, принятая в социальных сетях, которое в большинстве случаев носит случайный характер. Здесь очень часто человек, воспринимающий информацию, сначала «лайкает», а уже потом, может быть, читает, а часто и не читает вовсе. Соответственно, возникает проблема репрезентативности такого рода опросов. А поскольку наш журнал относится к журналам профессионального сообщества, то результаты, носящие во многом случайный характер, могут восприниматься как некая объективная оценка данного сообщества, и это надо специально оговаривать.

По сути, сегодняшняя дискуссия и представляет собой своеобразную критическую коррекцию некоторых принципов и выводов данного исследования, и это должно быть открыто для читателей.

Например, я не занимаюсь непосредственно проблемой сознания. Более того, посмотрев предлагаемые вопросы (они предварительно были мне специально направлены), у меня сложилось мнение, что они строятся на базе достаточно ограниченного понимания сущности философии. Они построены так, что человек, не занимающийся проблемой сознания, выпадает из разряда философов. При этом он может быть специалистом в иной сфере философии, и его «игнорирование» проблемы сознания не может определять его «пониженное» качество как философа. Это же касается и других вопросов, которые ориентированы на англосаксонскую традицию, в то время как, например, русская, немецкая или французская традиции здесь просто выпадают.

Не думаю, что на философию следует накладывать какие-то схемы для ее описания, или, точнее, выбирая эти схемы, следует понимать их относительность. Кстати, это прекрасно можно проанализировать на работах по истории философии Гегеля, который, рассматривая историю философии как особого рода единый процесс становления самосознания духа, был вынужден «переписать» ее под собственную схему. Предложенная авторами схема очень слабо применима к европейской философии, точнее, она отбрасывает целый ряд имен и концепций, находящихся за пределами обсуждения проблемы сознания.

Как здесь быть? Опять же ответ один. Дискуссия, споры, обсуждения. И главный вопрос такой дискуссии: а зачем нам нужно ранжирование философов? Аристотеля узнали в Средние века. Значит, если бы мы проводили опросы в более раннее время, он вообще бы не попал в число значимых фигур. Или, представьте себе, что мы делаем основным критерием русскую философию и проводим опрос в Германии. В 1998 г. мы задавали Г.-Г. Гадамеру вопрос о том, кого он знает из русских философов. Он в лучшей традиции западных мыслителей дал весьма стандартный ответ: Достоевского и Толстого. Менее традиционным прозвучало имя Гоголя, что было для нас неожиданно, так как философ не изучал славянские языки, но объяснение оказалось довольно простым и одновременно интересным в аспекте нашего обсуждения. Оказывается, всего Гоголя ему «пересказал» Федор Степун, находившийся тогда по известным обстоятельствам в Германии. Это, кстати, сам по себе пример относительности возникновения того или иного представления, зависящего в том числе и от случайных обстоятельств. Для Европы, если философ специально не занимается Россией, русская философия, по сути, неизвестна или достаточно периферийна и уж точно не входит, что является косвенным подтверждением этого тезиса, в учебники по истории философии.

Для Европы русскую мысль олицетворяют наши великие писатели, которые и воспринимаются в том числе и как философы. И это еще одна проблема. Кто такой философ? Преподаватель с дипломом или «человек философствующий», даже без диплома, тем более для представителя иной культуры?

Тем не менее можно сказать, что работа проделана большая и интересная. Однако, публикуя ее, мы должны четко оговорить цели и задачи опроса и объективную ограниченность используемого материала. Ценность ее заключается, скорее, в том, что она может выступить своеобразной отправной точкой вечного философского вопроса: что такое философия и кто такой философ? Это очень дискуссионно, интересно, и одно это позволяет данный материал публиковать. В этом случае можно в меньшей степени опираться на принципы социологического опроса как такового, ибо он позволяет выявить на самом деле не очень много и имеет ограничения.

Кроме того, необходимо помнить об особенностях виртуальных сетей, которые во многом выстраивают информационный поток под ваши личные запросы и интересы. В основном вы видите здесь то, что чаще хотите увидеть. Сама сеть формирует ленты ваших новостей, ориентируя на ваших сетевых «друзей». В этом смысле она менее спонтанна, чем если бы вы в реальности задавали эти вопросы, скажем, в метро или на улице. Например, сегодня я вижу в новостной ленте, что у Чалмерса день рождения. Но это видят не все. И это информация относительно локальная. Я ее вижу, так как в сети мы дружим, но огромное количество людей, в том числе и философов, в том числе и занимающихся проблемой сознания, могут этого не видеть, и для них она не выступает в качестве новости. Таким образом, экспертные выборки здесь осуществляются, если так можно выразиться, «в собственном кругу единомышленников», что формирует и соответствующие ответы.

Завершаю. Статью нужно публиковать, но вместе с обсуждением. Может быть, даже в специальной рубрике, например, «Философы спорят».

А.А. Костикова

Да, эта тема и предполагает некоторое введение в нее, обсуждение в формате круглого стола, инициацию дискуссии, начало которой может быть положено сейчас. И публикация материала, который мы рассматриваем, возможна, тем более что сейчас он имеет, скорее, исторический характер, потому что исследование проводилось в 2015 г.

А.П. Козырев

Когда я познакомился со статьей, у меня сразу возникло впечатление, что что-то в ней не то с профессиональной (социологической) точки зрения. Конечно, опрос стоил колоссальных усилий со стороны людей, которые его проводили. Но работали они как дилетанты в социологии, какие-то параметры методологические, идеологические и философские здесь не были соблюдены. Одна ошибка, мне кажется, связана с выбором целевой группы, которая получилась слишком молодой: подавляющее большинство опрошенных – это молодежь до 35 лет. У С.Н. Булгакова есть такая формула: «педократия», что можно перевести как «диктатура молодежи». Мы рассматриваем молодежь как самую авторитетную часть философского сообщества? Самую репрезентативную? В выборку входят студенты и выпускники. Еще не факт, что эти люди относятся к философскому сообществу. Всякий ли студент философского факультета – член философского сообщества?

Входящие вопросы, парные вопросы – это интересно. Но тут мне тоже показалось, что выбор этих вопросов весьма тенденциозный. Если в случае с априорным знанием это еще может расцениваться как базовое знание философа, то отношение свободы воли и компатибилизма... Условно говоря, если человек не занимается философией сознания, он может и не ответить на этот вопрос. Может не ответить и доктор наук, и кандидат наук. Но, тем не менее, он относится к философскому сообществу, вписан в него. И в то же время на него может ответить человек, который к сообществу не имеет никакого отношения. Этот выбор экспертной группы, который мне, не социологу, на интуитивном уровне дал увидеть, что на вопросы в большинстве своем отвечали дилетанты, а не профессионалы. Например, рейтинг русских философов: на первом месте Соловьев, на втором или третьем – Мамардашвили. Это похоже на «лайки» в социальной сети. Просто эти имена у них на слуху: об этом говорят в курилке, об этом говорят в буфете. Тем более что людей, знающих философию Мамардашвили, я в своей жизни встречал немного: на пальцах одной руки можно пересчитать. У нас недавно была в гостях его дочь, Елена Мерабовна, которая убеждала нас, что мы наследие ее отца вообще не знаем. Потому что фальсифицированы все издания. То, что напечатано раньше, надо вообще не принимать во внимание, потому что это неверно расшифровано и так далее. Мы, может быть, вообще не знаем, кто такой Мамардашвили. Это грузинский Сократ или русский Декарт? А вот наши студенты знают: Мамардашвили – это третий русский философ.

Следующий момент. Есть экспертная группа, которая может давать профессиональные оценки. Молодежь может говорить все

что угодно, но мы-то — эксперты и точно знаем, как все обстоит на самом деле. Но если мы сравним оценки экспертов и оценки вот этой молодежной группы, то они очень близки. Это означает, что экспертная группа выбирает респондентов, скажем так, по своей мерке. То есть она идет туда, где она найдет лояльных себе респондентов, которые ответят так же, как отвечают они. Этот показатель — отсутствие серьезного разброса между двумя уровнями опроса — говорит о том, что, по всей видимости, здесь что-то не очень работает. Если бы это была серьезная взрослая группа экспертов, то ответы существенно, не во всем, но в чем-то бы расходились. Вообще я считаю, что мы, философы, недостаточно обучены практике социологии. Когда у нас с Владимиром Васильевичем был проект по наукометрии, мы не стали на себя брать проведение социологического опроса. Взяли только экспертные и глубинные интервью, а вот саму упаковку результата мы поручили социологам. Я бы предложил это интервью расценивать как интересный состоявшийся первый опыт, опубликовать его, может быть, на сайте, может быть в «Финиковом компоте», это было бы совершенно релевантно. Но опубликовать его в журнале, входящем в Перечень журналов ВАК, — «Вестнике Московского университета» или «Вопросах философии» — это значит сразу нарваться на лавину критики со стороны социологов, которые будут упрекать нас в методологической безграмотности.

Такой выборкой, таким подходом к группе ничего не достигнуто. В лучшем случае, это зондирование молодежной студенческой аудитории. Тогда и надо позиционировать этот опрос как опрос молодежи о молодежи: вот мы сами себя изучили, как умели, как могли, и получили вот такие результаты. Но подавать это как масштабный заверченный исследовательский проект я бы, наверное, пока не рискнул. Но здесь есть другая сторона. Не надо никаких больших открытых обсуждений. Может быть, на выездной школе мы это обсудим. Это будет очень полезно, для роста ребят прежде всего, потому что они, по всей видимости, будут прибегать к таким широким оценкам, статистическим, математическим и прочим методам. Цифры часто расходятся с объективной реальностью, мы не учитываем скрытых мотивов: почему человек «лайкает» одно и не «лайкает» другое? Может быть, не потому, что ему нравится Чалмерс или Деннет, а потому что все вокруг говорят о Чалмерсе. Профессор Васильев читает лекции, и он, даже не читая Чалмерса, слышит его имя в аудитории. И он говорит: «Да, вот, Чалмерс — значимый философ». А может он сам вообще ничего не читает. Или читает художественную литературу.

В.В. Васильев

Кстати, первое издание Чалмерса разлетелось очень быстро.

А.П. Козырев

Потому что до этого не было изданий, естественно, разлетелось. Я думаю, его работы действительно востребованы и вызывают колоссальный интерес у людей. Но вопрос не о том, как люди относятся к Чалмерсу, а о том, как люди ставят «лайки», на что они ориентируются. Не на объективные, может быть, представления о значимости людей в философии. Тем более мы тут берем философию, что называется, от Сократа до Чалмерса. Такой поверхностный дилетантизм является даже условием мировоззрения респондента. Он должен более-менее в философии знать все.

А.П. Беседин

Хочу отметить, что статья не дает никакой интерпретации. Она не претендует ни на что большее, кроме как на изложение полученных результатов. Мы не считаем, что люди, скажем, в возрасте до 35 лет составляют наиболее репрезентативную часть всего российского философского сообщества. Просто мы получили результаты именно для этой группы, потому что использовали такую методику. Требуется только интерпретация полученных данных. И я убежден, что, хотя у социологов могут возникнуть существенные претензии и вопросы к ней, они, посмотрев на исходный материал, возможно, захотят помочь нам и укажут, какие результаты мы можем из него вывести, а какие — нет.

В.В. Миронов

То, что вы сказали, — это тоже вещь довольно тонкая. Мы-то хотим иметь, условно говоря, объективное знание, а имеем выборку из людей, которые нам ответили. Но мы понимаем, почему так происходит, и мы можем это объяснить. Утрируя: если бы тот же опрос проводили по центральному телевидению, то тогда бы другая группа людей ответила. Значит, мы сразу спускаем ограничения.

А.П. Козырев

Каналом распространения информации был Интернет?

А.П. Беседин

Да, информация была размещена не только в социальных сетях, но и на странице elibrary.ru, на сайтах нескольких университетов. Мы пытались привлечь широкую аудиторию, но мы прекрасно понимаем, что Интернетом пользуются не все. Люди определен-

ного возраста. Но у нас есть данные о возрасте респондентов, и людей старшего возраста тоже немало. Конечно, мы не можем этого проверить, потому что это Интернет. Мы вынуждены основываться на доверии к респонденту.

А.А. Костикова

Понятно, что тут срабатывают прежде всего претензии социологического порядка, но я бы хотела поставить вопрос гораздо шире. Я не считаю, что представленный материал не должен быть опубликован в силу социологических претензий. Мы имеем дело с уникальным опытом в отечественной философии, опытом интеллектуального опроса, выстроенного на некоторой научно-исследовательской традиции, которая имеет непосредственное отношение прежде всего к истории философии. Связан он с попыткой реконструкции интеллектуальных сетей. Понятно, что всегда есть философы, которые в сети не входят, и дело даже не в возрасте. Я говорю не о современной ситуации, не о сети Интернет, а в принципе об интеллектуальных сетях. Лично я очень скептически отношусь к социологии в философии. Но мы должны понимать, что это сегодня факт и философской дидактики, и философской науки. Так или иначе, сейчас по любому поводу существуют отсылки к социологии философии. Неважно, к работе самого Коллинза в переводе Розова или к каким-то другим сюжетам, касается это древней истории философии или современной. Это в принципе такая позиция: мы должны иметь это в виду, держать это в голове. И главный сегодня критик проекта А.П. Козырев в своих выступлениях именно так выстраивает риторику: с отсылкой на личные встречи, на личное общение, на знакомство с текстом. Сетевая история работает как исследовательский мнемонический прием: реконструкция интеллектуальных связей, их установки, аргументации в научном дискурсе, некая риторика. Это работает активно. И в данном случае то, что мы имеем в качестве результата проведенной работы – это дескрипция определенной интеллектуальной сети, которая, понятно, обусловлена, если хотите, спровоцирована в хорошем смысле перечнем вопросов. Но это даже не первое основание, а второе. А первое основание – интерес к тому опросу, о котором, действительно, знают не все философы с паспортом гражданина РФ, – к проекту Чалмерса-Бурже. Очень приятно, что мы проводим эту дискуссию в день рождения Чалмерса. Проект совершенно замечательный. Может быть, лучше выстроен. Но сами авторы пишут, что их проект в отношении проекта Чалмерса выстроен не так скрупулезно в том плане, что там не отобрали кафедры. Хотя здесь тоже можно было бы попридираться. Насколько

кафедры нашего факультета участвовали в опросе Чалмерса? Придаться можно к любому проекту. Но идея-то в чем состоит? Такого рода проект существует, и он сработал. Он любопытен не в плане описания всего мирового философского сообщества в целом, а с точки зрения описания с какой-то позиции. И в этом смысле речь идет не столько о социологии и приемах социологического анализа, сколько о том, что мы собираем ответы на вопросы, которые заинтересовывают респондентов. Понятно, что с этой точки зрения мы имеем некоторый срез настроений российского философского сообщества. При этом, хочу отметить, что и по цифрам сама выборка достаточно объемна, и с точки зрения разговора о тенденциях, о росте интереса это принципиально важно. Во-первых, это связано с самим понятием профессионального сообщества. Для философии этот вопрос вообще стоит очень остро: кто является членом профессионального философского сообщества? Тот, кто уже получил диплом, кто не получил диплом, кто опубликовал монографию или кто смог ответить на два ключевых вопроса и пройти тест до конца? Во-вторых, профессиональное сообщество всегда работает как сетевая организация. Это тоже совершенно очевидно, особенно в современном мире, возьмем мы философию представленной популярно, через соцсети, или мы возьмем философию буквально в узком смысле, то есть будем иметь в виду тех, кто преподает философию в вузах или работает в Институте философии. Мы должны понимать, что философское сообщество организовано, и сетевой подход здесь, конечно, очень любопытен. То, что есть ограничения в этом сетевом подходе, отмечал и Коллинз. Речь идет о том, чтобы в интерпретациях обратить внимание на то, как работают другие способы установления и описания интеллектуальных сетей. Очень короткий пример: история философии сама по себе, на мой взгляд, должна стать фактором экспертизы этого сетевого исследования. И в этом плане то, что мы публикуем результаты 2015 г., может быть, как раз лучше: это, во-первых, подтолкнет нас к какому-то возобновлению этого сюжета, и интересно будет посмотреть, что изменилось. Но сама публикация уже стала историко-философским фактом, если хотите, потому что опрос состоялся, множество людей в нем приняли участие. Они как-то свое мнение зафиксировали. Как потом отнестись к тому, что на основании прозвучавших ответов выстраиваются какие-то интеллектуальные новеллы, содержательные ассоциации — об этом было бы интересно поговорить. Буквально сегодня проанонсирован выход книги заведующего кафедрой средневековой философии в College de France Алена де Либера «Философская археология». Она дает новый фокус Средневековью: на

других основаниях реконструированная сеть философии Средних веков. И именно так она позиционируется. Это не какая-то досужая интерпретация, это то, что работает как аргумент в истории философии. Поэтому, я думаю, с какими-то купюрами, может быть, уходя от формалистского представления, результаты этого опроса надо опубликовать, чтобы инициировать дальнейшую работу. И материалы сегодняшней дискуссии, возможно, могут быть использованы в качестве введения в данную публикацию. Поскольку, будучи исследованием 2015 г., соцопрос не сработает как остальные соцопросы. А именно это исследование не будет формировать существующее общественное мнение. Не сработает спираль молчания Ноэльль-Нойман, открытая еще в конце двадцатого века, когда сами результаты соцопроса формируют мнение большинства по тому или иному вопросу.

Д.Б. Волков

Спасибо большое, что уделили внимание этому проекту. У меня есть некоторое субъективное мнение, потому что я принимал в нем участие. Идея действительно родилась как ответ на проект Чалмерса по исследованию американского философского сообщества. Мне кажется, что все те верные замечания, которые были высказаны, относятся к тому, что опрос, может быть, не показывает полной объективной картины мнений и интересов российского философского сообщества. Может быть, это действительно так. На это могли повлиять ограничения Интернета, на это могли оказать воздействие вопросы и их постановка. Есть ли абсолютно объективное исследование? Я таких не знаю. Если его нет, то, наверное, есть причина, почему его нет. Этот опрос, в любом случае, сделан с какой-то перспективы, и, естественно, это ответы людей, которые были в нем заинтересованы. Любопытный момент: если посмотреть на количество людей, принявших участие в опросе, можно увидеть, что, в принципе, эта тема (пройти опрос было довольно сложно) заинтересовала очень многих. Есть ли еще какие-то философские темы, которые вызвали бы такой интерес околофилософской аудитории? Может быть, не все. Если бы мы взяли какую-то конкретную фигуру, мы бы не нашли такого количества интересующихся. Мне кажется, проблема философии в том, что она узко специализирована и каждый говорит на своем языке. Мы с трудом понимаем своего коллегу по кафедре, а что уж говорить о других. Это действительно большая проблема. Ограничение этого опроса – взгляд из конкретной точки – не полностью нивелирует его ценность, то есть интерес. Большое количество людей приняло участие и нам писали: «Где же результаты?» Из тысячи участников мы по-

лучили сотню писем от тех, кто заинтересован узнать, что же, в конце концов, решили философы. Отклик на неопубликованную статью был гораздо больше, чем на статьи, которые реально публикуют.

Как можно критиковать статью еще? Мне кажется, есть четыре пункта, о которых можно говорить. Первый: выборка нерепрезентативна. Второй: вопросы поставлены некорректно. Третий: данные подложные. Четвертый: интерпретация неправильная. Сразу хочу отсечь третий и четвертый. Мне кажется, мы проверили все данные и считаем, что они не подложные. Можно говорить, что интерпретация неправильная. Но в каждом философском журнале каждая статья каждого автора не отражает позицию журнала. Более того, она в принципе не отражает какую-то общую позицию: это было бы непонятно что. В каждой статье представлена собственная субъективная, подкрепленная аргументами позиция автора. И в данном случае наша интерпретация – интерпретация авторов статьи – естественно субъективна. Вопросы поставлены некорректно: мы попытались отсечь тех, кто не понял вопросы. Если бы вопросы были поставлены совсем некорректно, их бы вообще люди не поняли, то есть мы получили бы полную чепуху. Можно сказать, что вопросы были поставлены таким образом, что они предрасполагали какую-то группу людей что-то конкретное отвечать. Безусловно. Но я не знаю, как поставить вопрос так, чтобы он вообще никак не намекал на ответ. Каждый вопрос содержит в себе как минимум пятьдесят процентов ответа. Можно ли провести другое исследование, по-другому поставить вопросы и получить другие ответы? Конечно, можно. Но это будет другое исследование.

По первому образованию я историк. И мы подробно изучали количественные методы в исторической науке. Как историко-философское исследование этот опрос, мне кажется, отвечает всем необходимым минимальным требованиям, или как количественно-историческое исследование. Потому что мы говорим, что это ответы, принадлежащие только определенной группе людей. Естественно, люди, которые по-другому видят российское философское сообщество, смотрят на это по-другому. Хотя, возможно, это хорошо, потому что эта статья, как мне кажется, вызывает эмоции. Это то, что движет, в том числе и интеллектуальные исследования. Если исследование не заряжено эмоционально, не вызывает горячего отклика, то мы приходим к типичным рецензиям в виде похвалы с какими-то общими словами. Мне кажется, что одним из преимуществ этой статьи является то, что она вызывает столько новых вопросов.

В.В. Васильев

Я кратко суммирую то, что хочу сказать, в двух тезисах.

Первый тезис. Мне кажется, что наше философское сообщество – удивительно интересный предмет для изучения. Это как непознанный объект, terra incognita. Приведу вам фактическое эмпирическое доказательство. Недавно я выполнил другое очень простое эмпирическое исследование: я оценил содержательный профиль ведущих российских и англоязычных философских журналов (скоро в «Вопросах философии» появится моя небольшая статья на эту тему). Я взял несколько журналов общего профиля – «Вопросы философии», «Вестник Московского университета», «Философский журнал», «Философские науки», с нашей стороны, «Philosophical Review», «Philosophical Quarterly», «Mind», с другой стороны, – и посмотрел, по каким темам преобладают публикации за последние три года. Все это высчитал в процентах. Так вот, у нас в журналах лидируют статьи по истории западной философии, на втором месте по популярности тематики – социальная философия, на третьем – история русской философии, на четвертом – восточная философия и культура. И посмотрите, как лидирующая четверка выглядит в западных журналах. Эпистемология находится на первом месте с огромнейшим отрывом, онтология и метафизика – на втором, этика – на третьем, и на четвертом – философия сознания и действия. Ни одного совпадения. То есть наше философское сообщество совершенно другое. И поэтому его, конечно же, надо исследовать.

Второй тезис. То, что было сделано, – это первый серьезный шаг в этом отношении. Со всеми недостатками, о которых было сказано, и которые, во многом, неизбежны, как Дмитрий Борисович отметил, это все-таки очень важный первый шаг. Я хочу поблагодарить Вадима Валерьевича, Анну Анатольевну, Алексея Павловича за то, что они согласились принять участие в этой, на мой взгляд, крайне полезной и ценной дискуссии. По второму пункту мне практически нечего добавить, в основном все уже прозвучало. Мы консультировались, конечно же, с социологами. Есть их критические замечания – мы постараемся их учесть. И я был бы очень рад, если бы в той или иной форме это исследование было опубликовано. Мы бы хотели, чтобы статья с этим материалом вышла именно в нашем журнале, поскольку все это делалось на базе философского факультета и с учетом критики.

Суммирую: наше философское сообщество – это действительно потрясающий диковинный объект для исследования и изучения, и на этом пути сделан первый важный шаг.

С.В. Туманов

Согласен, что выражение «социология философии» сегодня неопределенно в содержательном плане. Так уж получилось, что социологию последнее время часто воспринимают в качестве приложения статистических методов к анализу социальной действительности. Это не совсем правильно, а некоторые методологи считают, что совсем неправильно. Если в статье анализировать причины обнаруженного «тематического разлома», влияние на его формирование каких-то корпоративных интересов, других значимых факторов гносеологического или социального порядка, сложившихся научных традиций, которые сказываются на предпочтениях различных философских сообществ, то это будет социология. Если рассматривать структурные и количественные различия в тематике публикаций, то корректнее говорить о приложении математических методов к изучению фактов, имеющих непосредственное отношение к философии. Такой подход сегодня неординарен и интересен уже этим, но социологии здесь нет.